

Миры Гребенникова

Стою посередине совсем небольшого помещения, а чувство — будто среди настоящей лесостепи, и даже простор ощущаю. Вверху — голубое небо, облака, под которыми величаво описывает круги орел, под ногами — разнотравье, цветы: так и кажется, что сейчас все это запахнет и легкие вдохнут знойный летний воздух. Вот это эффект присутствия! А ведь работа Гребенникова, у которого я в гостях, над сферорамой «Степь реликтовая» еще не закончена...

Волшебство и только! Впрочем, вполне рукотворное, созданное кистью Виктора Степановича — художника, энтомолога, эколога, астронома, писателя, педагога — с помощью сына Сергея.

Мы сидим с Виктором Степановичем Гребенниковым в «Музее агроэкологии и охраны окружающей среды», созданном им при Сибирском НИИ земледелия и химизации сельского хозяйства еще в 1976 году при поддержке первого председателя СО ВАСХНИЛ академика И. И. Синягина. Беседуем. Тому, кто не был здесь ни разу, трудно описать необычность этого места. На стенах — «макропортреты» насекомых, в витринах — знаменитые «стереоблоки»: стопки стекол с объемным изображением цветка ивы, мухи-журчалки, личинки наездника (увеличенных в 200 раз), гипсовые слепки гусениц, лягушек, рыб, очень даже реалистичные и позволяющие не губить для коллекции живых тварей, и многое-многое другое, что только в книгу можно втиснуть, а не в газетную статью.

Сейчас здесь «некоторый ералаш», по выражению Гребенникова, только что у него прошли две выставки: в Кемерове и Ленинске-Кузнецком. Прямо на полу лежат в ряд уже менее известные его произведения, лагерные рисунки, сделанные по памяти: «вор Васек-Борода», «Майор Дураков» на фоне портрета Сталина, один — особенно жутковатый, с длинной подписью: «Наши трупы вывозят за зону, пробивая молотком головы». И время, и место действия: «Карабаш — 1947 г.»...

Миры Гребенникова... Сколько же их? Это Урал.

— Что можно сказать о себе... Родился я и вырос на юге России, в Симферополе. С начала войны невольно стал сибиряком и, хотя полупешеходствовал по стране, жил и в Средней Азии, и на Западной Украине, и в Воронежской области, и в других местах, корни пус-

тил здесь — вначале в Омской области, а потом в Новосибирской. Образования у меня никакого нет, одна десятилетка. Почему? Потому что мои университеты — вот они, «веселые картинки», лежат на полу. Двадцать лет срока в сталинско-бериевских лагерях, а пробыл из них я там шесть. Когда Сталин умер, теплейшим, счастливейшим летом 53-го — никаким оно не было холодным, — я оказался на свободе.

С раннего детства увлеклся природой сам по себе, тогда планета наша была зеленой и необезображенной, я ее еще такой застал. У нас в Симферополе во дворе был самый настоящий заповедник, прообраз всех моих последующих микрозаповедников. Вроде обычный городской двор: кусты, деревья, бурьян и прочее, но населенный массой живности. Все это звенело, жужжало, цвело и радовало взор и слух.

В богатейшей библиотеке моего деда, потомственного дворянина Терского, — сочинения Фабра, Фламариона, других естественных наук, множество энциклопедических словарей. Книжки занимали несколько коммун. Я мог запросто сверить книжные впечатления с живой натурой. Все это вместе, даже то, что я спал на улице прямо под звездами, и дало того Гребенникова, которого вы знаете.

Отец у меня был механик, изобретатель, на его счету только из «засвидетельствованных» изобретений: пищащая машина, арбалет, станки для изготовления скрепок, насечки напильников, «гидросепаратор для добычи золота». Вся жизнь он конструировал вечный двигатель. Естественно, и мои руки тянулись к де-

реву и металлу, благо, что мастерская у нас была богатейшая.

Мать из дворянской семьи, значит, много было остатков всякого культурного добра...

— Виктор Степанович, когда вы начали рисовать? К чему пришли как художник?

— Рисовать я начал с детства, тех же насекомых — еще до школы. Это сочеталось — изучение природы и ее изображение. В основном меня считают художником-анималистом. Но круг изображаемых мной объектов давно вылез за рамки животного мира и полез уже в жанр пейзажа, портрета, натюрморта. Вот сейчас я работаю над сферорамой «Степь реликтовая» и еще одной огромной в краеведческом музее города Исылькула Омской области — диарамой, которая называется «Природа уходящая». Название, я думаю, все объясняет.

Там, в Исылькуле, я двенадцать лет работал директором детской художественной школы, первой в Западной Сибири, между Свердловском и Красноярском таких больше не было. Потом из-за отсутствия диплома пришлось уйти оттуда. А поскольку к тому времени я уже стал специалистом-практиком по агроэкологии, успешно сочетая занятия ею с преподаванием, то судьба моя была определена... В Омской области я организовал первый в стране заказчик для охраны малых существ на площади 6,5 га. Занимался там изучением связей цветковых сельскохозяйственных растений и насекомых-опылителей, в основном шмелей и диких одиночных пчел. После некоторых мытарств с работой и географических перемещений по стране с семьей устроился работать в системе ВАСХНИЛ, в институте химизации.

Вот уже двадцать пять лет здесь живем и занимаемся все тем же...

А занимались Гребенниковы везде тем, что создавали энтомологические микрозаповедники, музеи, возились с секретиками, радовали нас выставками, защищали как могли природу. А на первом заповедном участке питомцы Гребенникова подняли продуктивность клевера вдвое, на другом, где он изучал и разводил шмелей и диких одиночных пчел-листорезов, размножаемость этих ценнейших насекомых за сезон была крупнейшей в мире — восьмикратной, такого еще никто не мог добиться, на третьем — впервые проведенные в полевых условиях эксперименты со знаменитым гребенниковским «эффектом полостных структур» — ЭПС... А было их шесть, микрозаповедников, и все были уничтожены...

К счастью, равновесие добра и зла, созидания и разрушения, кажется, еще соблюдается в отдельных взятых местах. Во всяком случае, в трех хозяйствах Омской области несколько микрозаповедников на общей площади 284 гектара до сих пор живы.

— Да, конечно, все в конце концов зависит от конкретных людей. Там нас поддерживают местные власти, директора совхозов, ведь мы проводим опыты по восстановлению природного разнотравья, луга и степи. Таково еще не делалось в мире, поскольку это песня новая, рассчитанная на десятилетия, а может, столетия. Перепахать землю, скажем, при освоении целины, дело нехитрое, вот как потом восстановить природный порушенный слой почвы, который нарастает крайне медленно? А

почему так по-разному относятся к этой моей работе в разных местах? Я думаю, по большому счету люди, которые ближе к земле — директора, агрономы, — они в некотором отношении мудрее кабинетных ученых. Вот одна из причин. Ну и не любят у нас еще в науке, когда кто-то сильно высказывается, когда большие результаты в науке, — сразу стараются подравнять под одну гребенку.

— Виктор Степанович, вот в рекламном проспекте вашей последней, неизданной еще книги, написано, что мир насекомых «подсказал» вам такие изобретения и открытия, как «новые способы объемного изображения, сотовый аппарат-обезболиватель, прибор для замедления течения времени, генератор полтергейстов, гравитоплан индивидуального пользования»... Неужели все это возможно?

— Это уже относится к области бионики. Да, природа порой подсказывает потрясающие находки... Ну и мир тех же насекомых, он старше нас на двести миллионов лет. Они могли обскать нас во многих отношениях, кроме, конечно, разума — они же самые умные во вселенной... ЭПС я открыл, когда меня «черт дернул» пронести руку над гнездом пчел-галиктов. Ладонь ощутила тепло, покалывание, во рту стало кисло, как от батареек. С этого все и началось... Потом, «отталкиваясь» от пчелиных гнезд, я натворил множество «сотов» из пластика, бумаги, металла, дерева и оказалось, что причина всех этих непривычных ощущений — никакое не «биополе», а размеры, форма, количество, взаиморасположение полостей, образованных любыми твердыми телами. Увы, организм все это чувствовал, а приборы ничего не улавливали... Углубляя и усиливая этот эффект воздействия, я обнаружил еще более интересные вещи, и Природа начала мне раскрывать некоторые свои загадки...

В результате опытов такого рода меня увлекли в бесплатные в реанимацию — экспериментатор ведь всегда страдает в первую очередь...

Два года стояла в васхнилловском музее Гребенникова непонятная штука, нечто вроде гибрида напольных весов и детской прыгалки... Главной начинкой внутри платформочки, конечно, не было — естественная мера предосторожности, так же, как и то, что собиралась эта конструкция в неприметный чемоданчик, напоминающий этюдник. Помело ведь, видимо, устарело, и сие чудо Виктор Степанович назвал по-современному — гравитоплан, и прясая от людских глаз, испытывал в воздушных просторах Сибири. А потом неожиданно свернул все опыты и с ЭПС, и с гравитацией...

— Все это, конечно, нужно изучать, — сказал он, вида мое удивление, — но как в наше время заниматься такими вещами, когда лучшие находки физиков, химиков, биологов срочно ставятся на службу военщине? Мне пришлось несколько лет назад дер-

нуть за стоп-кран, условно говоря. Серьезного научного изучения этих явлений никто не предлагал. Больше так: давай гравитоплан, срочно! И все. Компьютер за него предлагали старенький, но вполне работающий. Угрозы были, пришлось даже телефонную отключку делать...

По мировоззрению Виктор Степанович убежденный материалист. Считает, что никакие сверхъестественных сил для объяснения мира привлекать не следует и что «все сущее объяснимо, а если и необъяснимо в настоящее время — обязательно объяснится в будущем, если человечество будет развиваться интеллектуально».

Как-то он спросил новосибирских оккультистов-уфологов: почему ни разу не видел хоть плохонюкую летающую тарелку, хотя всю жизнь за небом в телескоп наблюдал, иногда по несколько ночей подряд?

— А вы и не увидите. Уверенно сказали уфологи. — У вас мировоззрение неправильное.

Я смотрел, как Виктор Степанович принимает экскурсии васхнилловских школьников, слушал, как с любовью говорит о своем одиннадцатилетнем внуке Андрюше, вспоминает нанесенные ему обиды, огорчается, что мало успел, — и думаю: а многие ли из нас, рядом с ним живущие, сделали в своей жизни хоть малую часть того, что сделал он? Освоили в своей маленькой индивидуальной вселенной хоть один мир — в сравнении со многими его? И еще я подумал: а может, нам попробовать помочь напечатать Гребенникову главную его книгу — «Мой мир»? В ней он раскрыл столько своих секретов, что я, прочитав рукопись, грешным делом подумал, не потому ли она, уже готовая родиться, так намертво, на несколько лет, застряла на полиграфкомбинате «Советская Сибирь»?..

Еще в начале 90-х на нее дал грант в 30 тысяч долларов американский благотворительный фонд Джона и Екатерины Макастров с замечательным условием — изрядную часть тиража раздать бесплатно детям. Великолепное издание с огромным количеством иллюстраций подготовлено издательством «Детская литература» и уже существует в готовых печатных формах. Дело за малым — нет денег на бумагу, правда, хорошего качества. Меньше двадцати миллионов... Неужели Новосибирск и Сибирь так оскудели, что некому помочь нашему земляку-сибиряку?

Виктор Степанович только что похоронил жену... Может, попробую сломать недобрую российскую традицию и будем ценить талантливых людей при жизни?

Мир Гребенникова, он ведь не только его, но и наш тоже.

Андрей ПОДИСТОВ.

На снимке Юрия БУРДЫ: Виктор Гребенников; испытание гравитоплана.

